

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

ДЛЯ

ОБЪЯСНЕНІЯ НЕДОРАЗУМНІЙ ОТНОСИТЕЛЬНО ЕДИНОВѢРІЯ И РАСКОЛА.

Наши свѣтскіе журналы и газеты въ прежнее время не касались предметов Вѣры и дѣлъ Церкви. Нынѣ — изрѣдка говорятъ о тѣхъ и другихъ. Насколько въ такомъ измѣненіи обычаевъ нашей свѣтской письменности выражается вниманіе къ предметамъ и дѣламъ достойнымъ всякаго вниманія, настолько мы можемъ радоваться этому измѣненію, и даже желать, чтобы оно не было случайнымъ, отъ обстоятельствъ времени зависящимъ и съ ними вмѣстѣ проходящимъ, но утверждалось бы, определялось и развивалось болѣе и болѣе, — въ мѣру безыгрнаго, всеобъемлющаго жизненнаго значенія предметовъ божественной Вѣры и дѣлъ истинной Церкви. Но при этомъ желаніи не можемъ не замѣтить, что наша свѣтская письменность, въ такомъ новомъ для нея дѣлѣ, каково сужденіе объ этихъ предметахъ и дѣлахъ; не всегда еще соблюдаетъ соответствующую ихъ важности мѣру и осмотрительность. Кто не знаетъ, сколь великую нравственную ответственность несетъ на себѣ публичное слово вообще?

Нужно ли же говорить, во сколько большая отвѣтственность лежитъ на такомъ словѣ о Вѣрѣ и Церкви?

Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» въ № 276 прошлаго года и въ № 5 нынѣшняго года, руководящія статьи были посвящены разсужденіямъ о положеніи Единовѣрія въ Православной Церкви. Предметъ разсужденія — весьма важный, требующій полнаго знанія дѣла и полнаго безпристрастія отъ разсуждающаго; по своему же практическому значенію — особенно обязывающей къ слову, взвѣженному самымъ точнымъ образомъ. Такое или другое слово о Единовѣрїи со вниманіемъ слушается не только единовѣрцами, но и православными, и навѣрное — еще съ большимъ вниманіемъ принадлежащими къ расколу.

I. Что есть Единовѣріе? Есть ли оно совокупность обрядовъ соблюдаемыхъ единовѣрцами, отличныхъ отъ обрядовъ содержимыхъ православными?— Конечно, нѣтъ. Сіе знаетъ и расколъ, чуждающійся Единовѣрія, думающій однако соблюдать обряды неотличные отъ обрядовъ Единовѣрія.

Что же есть Единовѣріе? Какое значеніе имѣютъ его обряды по отношенію къ его существу?— Какъ расколъ есть отверженіе общенія съ Церковію, непризнаніе въ ней истины и благодати, и свое-обычные обряды его суть знаки его самочинія и противленія Церкви; такъ напротивъ Единовѣріе есть общеніе съ Церковію, признаніе токмо въ ней истины и благодати, всему и обряды его суть знаменія благочестія, содержимыя уже не по самочинію и противленію Церкви, но ею знаемо и онисходительно невозбраненныя.

Изъ сего уже видно для имѣющаго очи видѣть, что обряды раскола и обряды Единовѣрія не одна и тѣже, но своему внутреннему значенію, следовательно по своему существу, хотя и представляются одинаковыми, не истинному виду. Посему, что говорится противъ обрядовъ раскола, — не должно быть къ недалновиднымъ смущеніемъ прилагасямо къ обрядамъ Единовѣрія: пришедшимъ въ общеніе съ Церковію надлежитъ умудряться въ ея разумъ и немоществованія своего смышленія

не затруднять ей дѣло вразумленія тѣхъ, которые еще не сумѣли отъ двора ея; и тыя бо подобаетъ ей привести, по слову сего Христа Господа, да будетъ едино стадо и единъ пастырь. И наоборотъ, что утверждается объ обрядахъ Единовѣрія, не должно быть съ недальновидною же рѣшительностію прилагаяемо къ обрядамъ раскола. Св. Церковь, приходящихъ отъ среды отлученія въ общеніе съ нею, въ общеніе ея Вѣры, ея Надежды, и надѣясь съими сими въ общеніе ея Любви, во просящихъ сохранить имъ нѣкоторые отъ отцевъ ихъ принятые обряды, — какъ чадолюбивая матъ въ свое общеніе и благодатное единеніе пріемлетъ, не споря съ ними объ обрядѣ, «довольнымъ временемъ увѣрившись, что они съ своимъ обрядомъ не соединяютъ никакого неправославнаго мудрованія». Сама, твердо и неизмѣнно содержа древнѣйшій, совершеннѣйшій обрядъ, Церковь показываетъ однако снисхожденіе и къ обряду иному, особному, ради совершенства любви своей. Такъ какъ въ Церкви совершается всякая святиня; то съ благословеніемъ единенія Вѣры и самый обрядъ, въ лицѣ единоумудствующихъ съ Православною Церковію, получаетъ иеру освященія, поколику онъ становится средствомъ выраженія внутренняго единенія. Обрядъ, по вѣншнему виду, одинъ и у единовѣрцевъ и у принадлежащихъ къ расколу, но внутреннее достоинство его у тѣхъ и другихъ различно.

Итакъ не говорите, что «въ единовѣрческихъ церквахъ православные архіереи совершаютъ богослуженіе съ соблюденіемъ тѣхъ же самыхъ обрядовъ, изъ-за отмычки которыхъ 300 лѣтъ тому назадъ произошла расколъ въ Русской Церкви» (М. В. 1866 г. № 276). — Обряды, совершаемые въ единовѣрческомъ храмѣ, могутъ казаться тѣми же самыми, какіе соблюдаются и въ расколѣ, — только для непросвященнаго, или для челоука вѣншнаго Церкви, ибо тотъ и другой дальне обряда ничего не видятъ, — не видятъ того, что составляютъ душу обряда... Здѣсь, можетъ быть, для мудрствующихъ объ обрядѣ не столько съ истинною свободою христі-

анскою, сколько съ произволомъ отвлеченной отъ церковной жизни, и потому равнодушной мысли, — неслыханно замѣтить, «сколько важно даже единство обрядовъ въ Церкви, и какъ долженъ дорожить ими всякій христіанинъ; ибо въ этомъ единствѣ видимо проявляется для всякаго, даже непросвѣщеннаго и вѣшняго Церкви, единство ея духа и ученія, а для просвѣщеннаго и сына Церкви находится источникъ радости живой и христіанской». Просвѣщенный благодатію Церкви и даромъ духа вѣденія можетъ впрочемъ чувствовать единеніе любви и въ различіи обряда; и поеліку для него любовь есть вѣнецъ совершенства, то ради любви, понуждѣ, онъ даже самъ готовъ участвовать и въ *иномъ* обрядѣ, но только — по нуждѣ, а не по безразличію; притомъ же — въ обрядѣ только такой общины, которая находится въ благодатномъ общеніи и единеніи съ Церковію. По таковой-то нуждѣ православные архіереи и совершаютъ богослуженіе въ единовѣрческихъ храмахъ съ соблюденіемъ принятыхъ въ нихъ обрядовъ. Настоитъ нужда освятить единовѣрческій храмъ, и архіерей освящаетъ оный съ соблюденіемъ обрядовъ Единовѣрія. Въ такомъ дѣйствіи православнаго архіерея нѣтъ знака его безразличія къ обряду, но здѣсь знаменія просвѣщенной любви, любомудренно снисходящей до обряда особнаго, ради спасенія душъ, вѣранныхъ епископскому наоенію, — снисходящей притомъ не личнымъ произволеніемъ, но по волю самой Церкви, знающей единомысліе съ нею общины единовѣрческой.

Посему не спрашивайте какъ бы съ недоумѣніемъ: отъ чего Церковь православныхъ своихъ чадамъ столько въ крайней нуждѣ, въ смертномъ случаѣ, когда бы гдѣ не случилось найти православнаго священника и церкви, — разрѣшаетъ обращаться къ единовѣрческому священнику? — Церковь вѣрна самой себѣ. Вы же напрасно еще говорите явно съ нѣкоторымъ искушеніемъ: «чтожь изъ этого вышло? православный архіерей, служа въ единовѣрческой церкви, можетъ приобщиться Св. Тайнъ, совершаемыхъ по едино-

«вѣрческому обряду, а простецъ къ тому не допускаются» (М. В. 1867 г. № 5).— Архiereй, служа по крайней нуждѣ въ единовѣрческомъ храмѣ; здѣсь и приобщается; и всякому православному въ крайней нуждѣ, какъ выше показано, тоже дозволяется. Церковь вѣрна себѣ самой; вѣрна своей истинѣ.

Итакъ, пусть православные сыны Церкви съ разумомъ, въ мирѣ взираютъ на то, что ихъ архипастыри совершаютъ священнослуженіе въ единовѣрческихъ храмахъ по единовѣрческимъ обрядамъ. Сия въ мало не унижается чтимый Церковію совершенный обрядъ Православія, но только даруется цѣлованіе любви и освященіе любви и обряду менѣе совершенному, ради совершенства единенія духа. Кто знаетъ? Не водѣйствуетъ ли нѣкогда сіе духовное единеніе съ такою силою, что совершится наконецъ и единство обряда въ Церкви, къ торжеству «древнѣйшаго обдержательнаго всецерковнаго преданія»,— ради жертвы любви, нынѣ смиренномудренно идущей къ немощнымъ и съ ними вѣмощствующей, да всяко мѣкля спасеть, по слову апостольскому? Но пусть и единовѣрцы на снисходительное дѣйствіе православныхъ архипастырей въ отношеніи къ ихъ обрядамъ — взираютъ не съ горделивостію, якобы обряды ихъ безусловно совершенны, но съ смиреніемъ, и признательностію къ Церкви, знающей совершенство своего обряда, но освящающей и ихъ особый обрядъ, по заповѣди апостольской, что *союзъ совершенства есть любовь*. Единовѣрцы не могутъ не признать, что православные истинно снисходительны въ отношеніи къ нимъ и искренно желаютъ духовнаго общенія съ ними. Пусть и они возвѣряютъ тою же мѣрою православнымъ. Говоримъ это не по духу укоризны, или тщеславія, но по духу истины и благожеланія, дабы, если можно, они еще превзошли насъ въ любви къ намъ. Тогда-то воистину падеть, т. е. потеряетъ силу раздѣленія, и внѣшнее нѣкоторое различіе между Единовѣріемъ и Православіемъ. Тогда-то единовѣрцы сами увѣдаютъ и признаютъ то нѣкоторое, еще недо-

стающее полнотѣ ихъ единенія съ Церковію, о чемъ Церковь нынѣ не настаиваетъ, подражательно памятуя слова Самого Христа: *еще много имамъ рещи вамъ, но не можете носити нынѣ. Но невозможная отъ челоуѣкъ возможна суть отъ Бога. — Духъ истинны да настаитъ въ васъ на всяку истину!*

II. Такое дѣйствіе Церкви въ отношеніи къ Единовѣрью, повторяемъ, есть дѣло ея любви, истинствующей любви, но отнюдь не дѣло хитрости по челоуѣческому смышленію. Какъ Церковь не ошибается, ибо она есть истина, такъ точно Церковь и не хитритъ и не малодушничаетъ, ибо свята. Пусть ревнитель раскола прозываетъ Единовѣріе «ловушкою»; но сынъ Православной Церкви не долженъ такое слово принять за правду и выставить его въ укоръ Церкви, искушая ее къ дѣйствіямъ, ея существу не соответствующимъ (М. В. 1867 г. № 5). Чуждый Церкви чуждъ ея Духа и не разумѣетъ Духа прославляющагося въ обрядѣ, а посему не разумѣетъ и освященія обряда Духомъ. Не споря объ обрядѣ съ сущими въ общеніи и единеніи ея благодати, Церковь уже тѣмъ показываетъ свою святую искренность въ такомъ отношеніи къ ихъ обряду особному, что въ то же время она твердо и неизмѣнно хранитъ свой, знаемый ею совершенный, обрядъ, и словомъ и дѣломъ проповѣдуетъ о семъ совершенствѣ.

Проповѣдуетъ и не можетъ не проповѣдывать: ибо не проповѣдывать значило бы скрывать истину. А тѣмъ паче не можетъ она дозволить себѣ такое дѣйствіе, которое показывало бы, будто она равнодушна къ знаемой ею истинѣ и не цѣнитъ ея. Какъ же требуютъ, во имя отвлеченной идеи *равноправія*, дабы было признано — кѣмъ? неужели Церковію, знающею свою истину истинною? — дабы было признано, что «каждый православный сынъ Церкви, не стѣняя своей совѣсти, можетъ по своему усмотрѣнію молиться и исправлять христіанскія обязанности въ единовѣрческомъ или православномъ храмѣ», — и какъ такимъ признаніемъ полагаютъ обезпечить, «несомнѣнный успѣхъ Единовѣрія и месом-

«*малое торжество Православной Церкви надъ расколомъ.*» (М. В. 1866 г. № 276)?! Нѣтъ, — такимъ признаніемъ было бы обезпечено несоизвѣнное торжество раскола, полагающаго всю силу Вѣры въ обрядъ, и окончателно былъ бы убитъ успѣхъ Единовѣрія, котораго истина въ искреннемъ общеніи и единеніи Вѣры, Надежды и Любви съ Церковію. Если Церковь знаетъ совершеннымъ свой обрядъ, и знаетъ также, какую рѣшительную силу приписываютъ своему особному обряду сушіе въ средѣ отлученія отъ нея; то она не можетъ говорить своимъ сынамъ такимъ образомъ: «если угодно, вы по своему усмотрѣнію можете или оставаться въ единеніи доселѣ общаго вамъ обряда, или принять особый «обрядъ, — не стѣсня совѣсти вы можете даже нынѣ соблюдать одинъ, завтра другой обрядъ!» Подобный совѣтъ можетъ дать земная мудрость, по своимъ не очень далекимъ расчетамъ, но мудрость Церкви Христовой не можетъ. Церковь знаетъ, что такіа нарочитыя слова изъ устъ ея были бы не обращеніемъ къ укрѣпленной и испытанной свободѣ христіанской, которая управляетъ собою по слову апостольскому: *вся же лѣнь суть, но не вся на пользу, — вся же лѣнь суть, но не вся назидаютъ*, но — были бы словами соблазна и прельщенія для множества немощныхъ и въ ея дворѣ и внѣ его, изъ коихъ одни были бы поставлены въ рѣшительное недоумѣніе, какъ имъ понимать такіа слова, — не означаютъ ли онѣ, что Церковь не увѣрена въ совершенствѣ своего обряда, — а другіе прямо поняли бы ихъ въ такомъ смыслѣ; и вотъ гдѣ было бы торжество раскола! Церковь знаетъ это, и потому «своимъ чадамъ, въ ея общеніи и единеніи рожденнымъ, воспитаннымъ и воспитываемымъ, или же въ ея общеніе и единство пришедшимъ, и все ею содержимое даже до іоты и черты принявшимъ, проповѣдуетъ: *твердо и неизменно да держимся древнѣйшаго обдержательнаго всецерковнаго преданія.*»

III. Нельзя не упомянуть, что ни къ чему другому, какъ къ торжеству раскола могутъ вести между прочими тѣ слова

поучающаго Церковь свѣтскаго писателя, будто бы «до половины XVII столѣтія Великая Россія почти сплошь крестилась двуперстно» (М. В. 1866 г. № 276).

Таково же его замѣчаніе объ исполнившемся двухсотлѣтнм раскола, выраженное слѣдующимъ образомъ: «смынь исполнилось, ровно 200 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ на ревнителей обряда, бывшаго при пяти патріархахъ московскихъ, московскій помѣстный соборъ, въ присутствіи трехъ патріарховъ положилъ грозную клятву». (М. В. 1867 г. № 5).

Таково особенно все его настойчивое, но не домышленное, толкованіе о соборномъ снятіи клятвы съ обрядовъ (какъ будто клятва положена на обряды), и—объ объявленіи, будто бы порицанія обрядовъ, въ предисловіяхъ Псалтиря и Часослова, были неправильны.» (тамъ же).

Неосмотрительно сказано, что «до половины XVII стол. Великая Россія крестилась двуперстно». Прежде всего, эти слова указываетъ лишь конечный предѣлъ, а гдѣ предѣлъ начальный: *съ котораго столѣтія?* Вся важность дѣла въ опредѣленіи этого именно предѣла. Можете ли сказать: со введенія христіанства въ Россію? Конечно, нѣтъ; ибо вслѣдъ за приведенными словами объ обычаѣ Великой Россіи вы сами же утверждаете, что вся Малая и Бѣлая Россія употребляла треперстное сложеніе. Смыслъ вашихъ словъ не измѣнится, если по нимъ приписать вамъ признаніе, что «въ Кіевѣ искони молились треперстно.» Но изъ Кіева, принявшаго Вѣру и обряды Вѣры прямо отъ Православной, Восточной, греческой Церкви, пошла проповѣдь во всю Россію Малую и Бѣлую и Великую. Значитъ, если Великая Россія, по вашимъ словамъ, въ XVII в. сплошь крестилась уже двуперстно, то она измѣнила своему древнему обычаю, принятому изъ Кіева. Когда же совершилось это измѣненіе? Извѣстно, что Москва сама завяла мѣсто Кіева въ церковномъ отношеніи, какъ и въ государственномъ, при Іоаннѣ Даниловичѣ Калитѣ. Какъ молилась въ это время Великая Россія? Въ пользу двуперстія нѣтъ ни одного свидѣтельства

изъ этого времени, а въ пользу треперстія есть очень знаменательное. Къ духовному завѣщанію В. Князя привѣшена сребропозлащенная печать, на которой онъ изображенъ во весь ростъ въ молитвенномъ положеніи съ *треперстными сложеніемъ* (Собр. Грам. Росс. Кн. Часть I, стр. 33, подъ 1328 годомъ). Вотъ и XIV-й вѣкъ, а двуперстія въ Великой Россіи не видимъ. Только въ XV в., *не рание* находимъ некое впрочемъ указаніе на двуперстіе въ известномъ «чинѣ принятія отъ ересейъ приходящихъ». Исследователямъ древности это известно. Итакъ осмотрительность требовала бы сказать, что съ XV в. до половины XVII въ Великой Россіи встрѣчается двуперстіе: это, конечно, было бы, какъ и должно быть, къ торжеству обряда православнаго.

Притомъ далеко безъ иѣры сказано, что Великая Россія почти *слово крестилась двуперстно*, хотя бы и въ этотъ не великій періодъ, съ XV до половины XVII в. По памятникамъ древней письменности, митрополитъ московскій Даниилъ (1522—1539) представляется поборникомъ двуперстія; въ свискахъ его времени мы видимъ слова о двуперстіи въ такъ называемомъ *Феодоритовомъ Словѣ*. Но нѣсколько лѣтъ спустя, во времена знаменитаго митрополита Макарія, мы въ томъ же *Феодоритовомъ словѣ* уже не видимъ ученія о двуперстіи, а въ Четивхъ Минеяхъ самого М. Макарія положительно повелѣвается *креститься тремя персты*. Если къ тому же въ самой половинѣ XVII стол. (1654 г.) можно было открыто предъ лицемъ собора сказать, что *«прежде появленія въ печати (въ числѣ 6000 экз.) книгъ съ ученіемъ о двуперстіи, ось тремя первыми персты крестное знаменіе изображаху* (Скриж. 1656 г. слово отвѣщ. л. 2 и обор.): значить и въ половинѣ XVII стол. далеко, далеко не *почти слово двуперстно крестилась Великая Россія!* Достойны еще примѣчанія испытателей древности церковной слова изъ соборнаго святка Собора 1667 года: «И нынѣ видится въ Россіи, яко мужіе *нѣселляне неизмѣнно, изъ древлюю обычая, знаменуются тремя первыми персты*».

Много можно бы сказать противъ указанныхъ выше словъ защитника особннхъ обрядовъ отличныхъ отъ обрядовъ Православія, гдѣ онъ рѣшился предложить такое странное сопоставленіе, будто обрядъ *бывшій при пяти патріархахъ* подвергся осужденію *отъ трехъ патріарховъ*. Но такъ какъ эти слова брошены безъ всякаго доказательства, то и мы можемъ оставить ихъ безъ нарочитаго опроверженія на сей разъ.

IV. Чтоже касается разсужденій о соборномъ снятіи клятвы съ обрядовъ, — онѣ требуютъ безотлагательнаго и внимательнаго разсмотрѣнія.

Удивленія достойно, что толкуютъ и настойчиво толкуютъ о *снятіи клятвы съ обрядовъ*, но не потрудились предварительно испытать, *точноли когда-либо была положена клятва на оныя обряды?* Много разъ, тщательно мы перечитывали Свитокъ Собора 1667 года. Въ немъ нѣтъ какого-либо клятвеннаго слова на обряды, но все разсужденіе объ обрядахъ ограничивается съ одной стороны утвержденіемъ обрядовъ православныхъ и неодобреніемъ дѣйствій собора, бывшаго при митрополитѣ Макаріѣ, за то, что тотъ соборъ безъ разсужденія и неправильно положилъ клятву на обряды православныя; съ другой стороны относительно особннхъ обрядовъ, которые Стоглавъ хотѣлъ возвестъ на степень якобы общецерковнаго преданія, кротно и учительво замѣчается: «что писаша о Знаменіи Честнаго Креста, сирѣчь о сложеніи двою перстовъ, и о сугубой Аллилуіи, и о прочемъ, то писано неразумно, простотою и невѣжествомъ» (невѣденіемъ). — Это ли клятва? Если же притомъ безпристрастный изслѣдователь церковной древности заглянетъ въ «Увѣщаніе отъ соборнаго свитка о исправленіи служебника»: то онъ встрѣтитъ тамъ даже такіа рѣшительныя слова о книгахъ прежняго исправленія: «Не обхуждаются снмъ и прежнія исправленія, но на выщій совершенія степень возводятся». Гдѣ же клятва?

Несомнительно, что судъ отлученія, изнесенный Соборомъ 1667 года касается не перстовъ, не двукратныхъ хвалеб-

нихъ возгласовъ, не хожденія, не числа просфоръ, словомъ не внѣшнихъ знаменій, не предметовъ, но человекоекъ изъ-за внѣшнихъ знаменій не покорившихся великому собору Церкви, восхотѣвшихъ быть мудрѣе Церкви, и въ противленіи похулившихъ всю ея святыню, внѣсившихъ ни вочто заповѣдь Главы ея, Христа Господа, изрекшаго о Церкви, какъ о рѣшительномъ судилищѣ на земли: *аще кто церковь преслушаетъ, буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь.*

Какой же разумъ имѣютъ толки о снятіи клятвы съ обрядовъ, когда на обряды клятвы не было изнесено? Если толкуютъ объ этомъ смышляющіе простотою и невѣденіемъ, сіе неудивительно. Когда же разсуждаютъ о томъ хитростию мудрованія, неудастся ли, чрезъ такое возложеніе осужденія на невинные сами въ себя внѣшніе обычаи, — легче избыть суда виновныхъ головамъ; сіе уже удивительно: ибо неудивительно ли въ самомъ дѣлѣ видѣть такое ухищреніе плотскаго мудрованія—превозмочь премудрость Духа Церкви Божіей? Такого рода мудрованія, конечно, ны не приписываемъ тому писателю, по поводу статьи котораго разсуждаемъ. Онъ ревнуетъ о Церкви, о Единовѣрїи. Онъ только неосмотрительно выражается о томъ, о чемъ дѣйствительно и нехитро, но недоумѣнно помышляютъ будтобы нѣкоторые изъ единовѣрцевъ.

О чемъ же смущени естє, братїя, и почто помышлемїя охотлѣтє въ сердца ваши?—Блюдите, како опасно ходите, не яко же мамудри, но якоже премудри, искупующе время, яко днїе лукави суть! Блюдите, какъ бы смущеніе смущающихся между вами не послужило къ радости раскола? Расколъ мудрствуетъ: « мои обряды и обряды Единовѣрїя одинаковы; Единовѣрїе признано Церковію, въ зависимости отъ нея, но я неохочу покориться Церкви, придти въ послушаніе ея священноначалію, желаю независимости, мно самъ быть церковію,—одно мнѣ препятствіе къ сему, нахожусь подъ соборнымъ отлученіемъ, подъ клятвою за непокореніе Церкви; главная вина этого непокоренія мои обряды; буду говорить, что клят-

ва лежитъ на обрядахъ; отъ сего могутъ придти въ смущеніе и единовѣрцы; ибо у нихъ тѣже обряды; и единовѣрцы возговораютъ о святіи клятвы съ ихъ обрядовъ; Церковь успокоитъ ихъ, сниметъ эти глаголемыя клятвы; тогда и я *покажусь* избывшимъ отлученія... Какое тогда будетъ препятствіе, признать меня Церковію?—Братья, единомудрствующіе съ Православною Церковію, *блюдите, како опасно ходите!*

Какъ вы размышляете о дѣяніи Великаго Собора 1667 года? Такъ ли, что воистину судъ отлученія изнесенъ на противниковъ св. Церкви, но что у находящихся въ отлученіи нѣтъ и общенія съ благодатию Церкви, посему и обряды ихъ какое же могутъ имѣть освященіе?—Право судите; но такое благоразсужденіе не предосудительно для онаго Собора, и въ васъ должно породить не смущеніе, но миръ. Вамъ, искренно пришедшимъ въ общеніе Церкви и въ единеніе съ нею, вамъ уже черпющимъ отъ источника ея благодати, уже дышащимъ дыханіемъ отъ ея Духа,—чего смущаться, якобы ваши обряды, невозбраненные вамъ Церковію, еще не имѣютъ освященія? *Духъ живоотворитъ*. Вы въ Церкви, и обрядъ вашъ святится Духомъ, живущимъ въ Церкви, святится въ мѣру, какая Духу угодна.—Не такъ ли разсуждаютъ и сами просвѣщенные единовѣрцы? Они, конечно, вѣдаютъ, что Церковь, хотя знаетъ ихъ обрядъ особнымъ, но знаетъ его знаменіемъ единомыслія съ нею, и запечатлѣнный духомъ сего единомыслія обрядъ даже сама употребляетъ въ лицѣ своихъ Епископовъ, священнодѣйствуя для общины единовѣрческой и въ храмахъ единовѣрческихъ, и такимъ образомъ паки и паки печатлѣя сей обрядъ своею любовію. Чего еще не достаетъ?

Расколъ, непризнавая святости Церкви, обзываетъ Единовѣрціе «ловушкою»; точно также, не признавая истины Церкви, онъ впадаетъ въ ложное мудрованіе, будто бы Единовѣрціе устроено «не на основаніи правилъ каноническихъ». Но правила Церкви и дѣйствія Церкви непонятны *оныхимъ*, самою же Церковію не могутъ быть неизвѣсны и нарушаемы, или неправильно совершаемы: ибо онѣ суть не внѣшнія ей правила,

но ея собственныя внутреннія правила, и въ своихъ дѣйствіяхъ по нимъ она собою т.-е. Духомъ приобщивъ ея управляетъ-ся и погрѣшать не можетъ. Нѣкогда Соборомъ своимъ она положила судъ отлученія на непокоряющихся ей, но положила сей судъ не такъ, чтобы подъ онымъ осужденныя были заключены или безъисходно, или до времени, когда будетъ произнесено снова соборное слово о прощеніи, — нѣтъ, Истинная и Св. Церковь въ томъ же соборномъ словѣ изрекла и прощеніе, предусматривая вразумленіе непокоряющихся ей и возвращеніе въ ея послушаніе: ибо изрекла осужденіе на непокоряющихся, *да не даже вразумятся и совершатся отъ правду поканіемъ*. Поедину же, приспѣвшему времени нѣкоторые въ истину уразумѣлись, что «Св. Православная Восточная Церковь истинствуетъ и благодать Рукоположенія, преимущественно отъ св. Апостоловъ пришедшая и сохраняемая, въ ней пребываетъ, и — общенія въ сей истинѣ и благодати попрежнему возжелала»: то Православная Церковь: российская, вѣрная слову великаго Собора Церкви, и исполнила по одному слову въ точности, — приняла и благословила вразумившихся и возвратившихъ въ правду поканіемъ. Итакъ, что же? Неужели сіи *вразумившіеся и пришедшіе отъ послушанія Церкви* еще не изыли отъ среды отлученія? — Быть не можетъ, чтобы подобныя не домысленныя помышленія всходили на умъ искреннихъ и преданныхъ единовѣрцамъ.

Но понятное Церкви и находящимся въ единомысліи съ нею, непонятно для внѣшнихъ? Развѣ для ихъ вразумленія не желательно ли новое соборное слово, въ разъясненіе и утвержденіе нѣкогда изреченнаго? — Любви Церкви, желающей *привести и плечь, кои не суть отъ двора ея*, конечно, не тягостно, и истинѣ ея не противно предпринимать трудъ особаго сужденія словомъ или посланіемъ съ Патріархами православнаго Востока о благословенномъ Единовѣрїи, да престанетъ всякое недоразумѣніе о немъ даже и для внѣшнихъ. Впрочемъ здѣсь надлежитъ точно уразумѣть, о чемъ собственно и въ какую силу можетъ быть новое соборное слово Церкви?

Ни одна мѣстная церковь не имѣетъ права постановлять догматическія опредѣленія церковнаго ученія, безъ согласія прочихъ мѣстныхъ церквей: сіе право принадлежитъ Церкви Вселенской. Но каждая помѣстная церковь имѣетъ право, въ цѣляхъ своего благоустроенія, опредѣлять въ своихъ предѣлахъ тѣ или другіе обряды или обычаи, когда съ оными не соединяется мудрованія несогласнаго съ ученіемъ вселенскимъ, православнымъ, и когда этими обрядами не вводятся въ соблазнъ прочія мѣстныя церкви. Посему Церковь Россійская поступила правильно, не возбранивши единовѣрцамъ ихъ особый обрядъ, съ коимъ они не соединяютъ никакого неправославнаго мудрованія и который, будучи не неизвѣстенъ прочимъ Православнымъ Церквамъ Восточнымъ, никакого блаженія доселѣ въ нихъ не производилъ. Слѣдовательно, когда бы Россійская Церковь обратилась съ нарочитымъ посланіемъ къ православнымъ восточнымъ Патріархамъ, испрашивая отъ нихъ нарочитаго цѣлованія своему дѣянію, не преступающему истины Вселенской Церкви и непреходящему предѣловъ свободы помѣстной церкви; это она сдѣлала бы не въ восполненіе какихъ-либо будто бы прежде нарушенныхъ ею правилъ каноническихъ, но единственно по устремленію къ вышшему совершенству любви, не только не нарушающей каноновъ или общаго права, но готовая и предоставленное ей праву представить на усмотрѣніе всей Церкви. — Чтò же именно, въ какой опредѣленности можетъ быть представлено такому усмотрѣнію? Безъ сомнѣнія то и въ той опредѣленности, чтò и какъ допущено Россійскою Церковію въ отношеніи къ Единовѣрью. Допущено же слѣдующее:

«Вразумившіеся и пришедшіе съ послушаніе Церкви приняты ею въ общеніе благодати во исполненіе предреченнаго слова великаго Собора;—по опредѣленію же мѣстнаго Синода снисходительно сохранены имъ нѣкоторые особные обряды, разумѣемые ими православно, и—ради ихъ чтителей пришедшихъ въ послушаніе св. Церкви, въ общеніе и единеніе съ нею, сіи особные ихъ обряды не почитаются уже чуждыми Церкви,

которая и сама, въ лицѣ своихъ Епископовъ, употребляетъ оныя, священнодѣйствуя для общины единовѣрческой.»

О семъ можетъ сообщить Православная Церковь Россійская православнымъ Восточнымъ Патріархамъ, во имя общенія любви, еще же и ради благословной надежды, таковымъ дѣйствіемъ разсвѣтъ всякое недоумѣніе о правильномъ, согласномъ съ канонами, учрежденіи Единовѣрія. Будучи во всемъ вѣрною святой соборной Церкви, Россійская Церковь напередъ вѣдаетъ, что и вѣрные Патріархи православнаго востока соразсудятъ согласно ея благоразсужденію.

Но сіе не будетъ «соборнымъ снятіемъ клятвы съ обрядовъ», каковой положено не было; равно не будетъ и соборнымъ освященіемъ обрядовъ *самихъ отъ себя*, безъ разсмотрѣнія отношенія чтителей сихъ обрядовъ къ Церкви, — о чемъ недоразумительно толкуетъ свѣтская письменность, и чѣмъ прельщаются сущія въ расколѣ и не желающіе общенія съ Церковію. — Церковь творитъ и дѣйствуетъ только въ своихъ предѣлахъ; а сущія внѣ ея ограды сами себя ставятъ внѣ ея благодати. Посему расколъ да не обольщается, — оставаясь въ противленіи Церкви и разлученіи съ нею, пріять себя яко бы освященіе отъ Единовѣрія: печать святости отъ Единовѣрія не приложится къ расколу и его обычаямъ. Разсудите: обрядъ есть орудіе духа, носитель, сосудъ, самъ въ себя наполненія не имѣющій, но оное пріемлющій отъ того духа, какой исполняетъ его. Обрядъ, исполняемый духомъ противленія Церкви, можетъ ли при семъ содѣлаться инымъ, не тѣмъ, что онъ есть по своему духу, — содѣлаться инымъ только отъ того, что онъ по *внѣшнему виду* сходенъ съ обрядомъ, исполняемымъ въ духѣ послушанія Церкви и освящаемымъ Духомъ ея благодати? Истина строга, т. е. сама себя вѣрна; потому она и есть истина: быть въ отлученіи отъ Церкви, не хотѣть открытъ и дать ей свое сердце, замкнуть уста предъ источникомъ ея благодати, и въ то же время помышлять, будто бы можно исполниться благодати тѣмъ, что она уже напаяетъ уста и сердца другихъ, пришедшихъ къ

ея источнику, а сердца и уста изъ той же плоти у всѣхъ созданы, — такъ помышлять, значить не разумѣть ни своего помышленія, ни существа благодати. Не обвиняйте истину за такую ея строгость, паче же уразумѣйте ее и она ушедритъ васъ. Страшное дѣло — быть въ отлученіи отъ Церкви и ея благодати; но всадите сей страхъ въ сердца ваши и вы избудете отлученія. Это зависитъ отъ васъ. — Какъ, скажете, отъ насъ? а не отъ суда Церкви, изнесеннаго на насъ? — Судъ Церкви состоитъ только въ томъ, что она самопроизвольно отлучающагося отъ нея называетъ отлучающимися и отлученными, т. е. не желающими принадлежать ей признаетъ непринадлежащими; такимъ образомъ печать *отлученія* или по гречески *анаѡма* прежде всего кладется собственно самими на себя отлучающимися отъ Церкви, и затѣмъ уже возносится какъ приговоръ Церкви: «Это не мои, говоритъ Церковь, ибо они сами отлучились отъ меня!» — Итакъ отъ васъ зависитъ, чтобы Церковь сказала о васъ: «это мои, ибо они возжелали общенія моего».

Понятно ли теперь, сколь грубо погрѣшаютъ противъ разума истины разсуждающіе иначе? Недомысля, они обольщаются такимъ противорѣчіемъ, будто отлучающіеся отъ Церкви могутъ и въ отлученіи воспользоваться плодами общенія съ Церковью сохраняемаго другими, — будто соборное благословеніе, дарованное Единовѣрью, какъ единомыслію съ Церковію, пріостаняетъ и расколъ, упорствующій въ разномысліи! Какая часть расколу въ благословеніи Единовѣрія?

V. Кромѣ отиѣны клятвы, необходимо еще — говорить — уничтоженіе тѣхъ жестокихъ порицаній и даже обвиненій въ ереси, которыя въ церковныхъ книгахъ отнесены къ содержимымъ единовѣрцами обрядамъ. (М. В. 1866 г. № 276). — Можно ли выразиться неосмотрительное? Порицанія и даже обвиненія въ ереси, бывшія въ церковныхъ книгахъ, т. е. въ предисловіяхъ Псалтиря и Часослова — будто бы отнесены къ обрядамъ *содержимымъ единовѣрцами?*

Когда писаны сін предисловія? — Когда о Единовѣрїи не

было и помышленія. Единовѣріе существуетъ только съ 1800 года. Итакъ время показывается, что тѣ предисловія имѣли въ виду дѣйствія раскола, жестоко хулившаго Православную Церковь и соединявшаго съ ослочиніемъ еще неправославное мудрованіе: и вотъ причина нѣкогда истинныхъ жестокихъ порицаній и даже обвиненій въ ереси!

Добро надлежитъ признавать добромъ, и мы признаемъ добрымъ обычай времени, по которому оно чуждается жестокихъ порицаній, какъ выраженій нетерпимости къ тому, что заслуживаетъ быть терпимымъ. А терпимымъ заслуживаетъ быть, конечно, не заблужденіе по своей лжи, но по тѣмъ искрамъ истины, которые свѣтятся и во тѣмъ заблужденіи. Но если такъ, то когда во ния снягченія нравовъ времени, хотая отвращать очи человѣческія отъ строгой стороны истины и скрывая оную въ ласкосердыхъ медоточивыхъ неопредѣленныхъ словахъ, снѣ самымъ уналяютъ и увличаютъ истину,—такого обычая не должно называть добрымъ. Когда жестоко дѣло, тогда и слово не можетъ быть мягкимъ. Жестоко было отвращеніе Израиля во дни Исаи пророка, и такое жестоко-огненное, подающее слово износить онъ отъ имени Божія, на тѣ самые обряды, которые самимъ Богомъ были установлены въ Церкви Ветхозавѣтной: *аще принесете Ми седмица, осу; кадила, мерзость Ми есть; новомѣсячій вашъ и суббота и дни великто не потерплю, и правдикъвъ вашъ невидитъ душа Моя* (Ис 1, 13—15). Упрекнете ли пророка въ жестокости порицанія? Когда жестоко дѣло, тогда и слово не можетъ быть мягкимъ, безъ ущерба истинѣ.

Не знаетъ, унягчился ли нынѣ расколъ въ сердцѣ своемъ — въ своихъ тайныхъ помышленіяхъ о Церкви Православной. Но въ послѣднее время онъ явно представилъ пльсенный памятникъ своихъ иныхъ, противу прежнихъ, возрѣній на Церковь и на своя обычая. Разумѣемъ такъ-называемое «Окружное посланіе». И вотъ, несмотря на то, что въ самомъ расколѣ это посланіе встрѣтило противленіе и про-

родило раздѣленія, — знакъ, что расколъ самъ въ себѣ еще не то, чѣмъ онъ изображается въ посланіи, — несмотря на это святѣйшій Синодъ Россійской Церкви спѣшилъ отложить прежнія предисловія Псалтиря и Часослова, дабы прежде потребное, для обличенія лжеудурованій раскола и для предостереженія отъ оныхъ, нынѣ не послужило препятствіемъ на пути къ истинѣ для тѣхъ, кои показываютъ какъ бы желаніе изымть отъ среды отлученія. — Такова вина и таковъ разумъ видимаго измѣненія выраженій въ названныхъ предисловіяхъ. Церковь не измѣнила своего взгляда на истину, но расколъ показываетъ себя какъ бы измѣнившимся противу прежняго времени, и Церковь отлагаетъ слово порицанія и поставляетъ на мѣсто его слово мирнаго увѣщанія и еще же — прямое слово снисхожденія. Но послѣднее, очевидно, — ради той особой, благословной вины, что износѣ нарочитое слово объ особномъ обрядѣ двуперстія, Церковь нынѣ не могла не имѣть въ виду Единовѣрія, какъ въ словѣ прежде сложенномъ не могла она имѣть въ виду того, чего еще не было.

Чего же еще домогаются отъ Церкви? — Когда еще домогаются «объявленія отъ святѣйшаго Синода, будто бы порицанія обрядовъ чтимыхъ единовѣрцами *были* неправильны по отношенію къ тому смыслу, который старообрядцы *въ дѣйствительности* съ этими обрядами *соединяютъ*» (М. В. 1867 г. № 5): тогда трудно воздержаться отъ выраженія неудовольствія, о комъ собственно въ такихъ словахъ выражается попеченіе о единовѣрцахъ, или о глаголемыхъ старообрядцахъ? Но таковая забота сама себя подрывала бы тѣмъ не предъусмотрѣннымъ противорѣчіемъ выражаемаго желанія, чтобы — прежнія порицанія бывшія на самомъ дѣлѣ правильными по отношенію къ тому смыслу, какой расколъ соединялъ съ своими обрядами тогда, въ прежней дѣйствительности, были однако обозваны допущенными акъбы неправильно, — т. е. дабы правильное было обозвано неправильнымъ!. Таково недоразумѣніе писателя показывающаго свое попеченіе о пользахъ Единовѣрія и Православія, — недоразумѣніе, въ темнотѣ котораго

расколъ можетъ обольщаться, приготовить себѣ въ которое желанное ему торжество!—Но не будетъ Церковь причастна устроению сего торжества заблужденія!

—

Посильнымъ разъясненіемъ недоразумѣній, служащихъ источникомъ неправильныхъ толковъ о дѣлѣ Вѣры и Церкви, мы исполнили свой долгъ въ отношеніи къ Православной Церкви, и въ частности къ общинѣ единовѣрческой, сущей въ общеніи со Православною Церковію; но думаемъ также, что исполнили долгъ и въ отношеніи къ разномыслящимъ съ нею, глаголемымъ старообрядцамъ, предостерегая ихъ отъ прельщенія, которымъ только раздѣленіе питается, а не союзъ любви созидается, — только заблужденіе укореняется, а не истина открывается.

Братья наши по крови и по духу, нѣкогда жившему въ вашихъ отцахъ до оставленія ими Дома Церкви Православной! Невѣденіе вашихъ отцовъ возложило на васъ мертвенное иго отлученія, которое вы въ большинствѣ своемъ не сете не по своей винѣ, ибо не имѣете опредѣленнаго созванія о заблужденіи, въ которомъ находитесь, и находясь въ немъ еще *мыте службу приносить Господу*. Уразумитесь хотя нынѣ, что нѣтъ надежнаго пути спасенія внѣ общенія съ св. Православною Церковію, кромѣ полноты ея благодати. Уразумитесь, что сія полнота есть полнота благодати Рукоположенія, благодати Святительства или Епископства, отъ самаго Христа Господа, и отъ сошествія Святаго Духа и отъ святыхъ Апостоловъ непрестанно и благозаконно другъ-друго-пріемлемая и сохраняемая, а не хитростію и неблагозаконіемъ привлекаемая. Уразумитесь, что не было, не могло быть и не будетъ того времени, въ которое бы оставила сія полнота благодати св. Православную Церковь, ибо вельжно обѣтованіе Спасителя, что Онъ пребудетъ съ Своею Церковію во вѣкъ. Уразумитесь по сему, что не могло быть никакого времени, когда бы Православная Церковь приняла

какую-либо истину въ свои вѣдра. Уразумитесь и придите въ полно-благодатное общеніе съ нею открытыми дверьми, а не думайте приосвѣниться сею благодатию, какъ *прелаза инуде* и восхищая невосхищаемое! Еще ли мало вамъ горькаго опыта, что Благодать не восхищается хитростію? Благодать есть миръ: но миръ ли принесла вамъ неблагозаконно учрежденная въ вашей средѣ Іерархія?..

Могущіе изслѣдовать, изслѣдуйте уставы и чиноположенія Церкви, ея священнодѣйствія, ея непогрѣшимое ученіе, ея святую жизнь, — изслѣдуйте съ искреннимъ желаніемъ обрѣсти истину и съ предъустроенною сердечною готовностію смириться предъ истинною; имѣющей же явиться истинѣ ищущимъ ея—сіи поучайте и тѣхъ братій своихъ, которые сами немощны въ вѣденіи. Сіимъ путемъ уже нѣкоторые и сами избыли отъ среды отлученія и другихъ привели съ собою въ общеніе Церкви. Но и могущіе и немощные къ труду изслѣдованія имѣютъ пользоваться еще нѣкоторымъ всемогущимъ и общедоступнымъ средствомъ къ уразумѣнію истины. Средство это есть молитва: молитесь искренно, со трепетомъ, да просвѣтитъ самъ Христосъ Богъ разумы и сердца ваши къ пріятію Его Благодати, данной Имъ Церкви Своей Святой!

Просвѣтитесь и открыто, съ чистымъ сердцемъ придите къ Церкви Православной, нѣкогда матери вашихъ отцевъ, и скажите ей: «Матерь наша, мы желаемъ быть твоими!» И Церковь скажетъ о васъ: «Возлюбленные мои, нѣкогда изгибшіе, нынѣ же обрѣтшіеся, — вы мои и никто же возметъ васъ отъ мене».—Тогда воистину, печать дара Духа Святаго благодатно запечатлѣтъ васъ!